

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

VII (*).

Впечатлѣніе, произведенное на Европу началомъ царствованія императора Николая.—Манифестъ о коронованіи.—Пріездъ маршала Мармона.—Карамзинъ.—Желаніе государя смягчить участь государственныхъ преступниковъ.—Первыя проявленія твердой вѣтшей политики.

Императоръ Николай только начиналъ царствовать, а уже по всему тому, что было имъ сдѣлано, можно было предчувствовать, что онъ сдѣлаетъ и что хотѣлъ сдѣлать какъ въ администраціи, такъ и въ политикѣ. Его слова и дѣйствія имѣли громкій отголосокъ и внѣ предѣловъ Россіи: европейскіе кабинеты пришли къ единодушному сознанію, что преемникъ императора Александра I обладалъ твердою волею. Этимъ объясняется та предупредительность, съ которою союзные монархи поспѣшили заявить ему свои чувства уваженія и симпатіи. Независимо отъ присылки именитыхъ лицъ съ поздравленіями при его воцареніи, всѣ первостепенные дворы уже готовились назначить чрезвычайныхъ пословъ въ качествѣ своихъ представителей при священномъ обрядѣ коронованія.

Перевѣсъ, пріобрѣтенный новымъ императоромъ въ общей политикѣ, не замедлилъ обнаружиться самымъ характеристическимъ фактомъ: республиканское правительство Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ обратилось къ самодержавному монарху съ просьбою о посредничествѣ.... Миддлтонъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ республики при с.-петербургскомъ дворѣ, вручилъ графу Нессельроде ноту, въ которой уашигтонскій кабинетъ ходатайствовалъ, чтобы Императоръ всероссійскій склонилъ Испанію прекратить еще продолжавшуюся борьбу съ прежними ея южно-американскими колоніями и, въ интересахъ общаго мира, призналъ ихъ независимость. Графъ Нессельроде, въ отвѣтъ своемъ (3-го мая 1826) представителю Соединенныхъ Штатовъ, не упомянулъ о самомъ фактѣ возстанія испанскихъ колоній, но выразилъ удовольствіе, что уашигтонскій кабинетъ, благородно признавая права Испаніи на острова Кубу и Пуэрто-Рико, руководствовался тѣми самыми правилами, которыя Россія давно приняла за основаніе своей политической системы. „Его императорское величество—

(*). См. „Воспитаніи Сборникъ“ 1867 г., ММ 10 и 11 и 12.

писалъ графъ Нессельроде — руководимый желаніемъ продлить и упрочить общій миръ, сожалѣвъ, что не можетъ принять на себя посредничество въ вопросѣ объ испанскихъ колоніяхъ. Государь императоръ всегда полагалъ, что справедливость, международное право и общая польза, предписывающія уважать неоспоримую верховную власть, не позволяютъ, въ столь важномъ обстоятельствѣ, ни обсуждать, ни предупреждать рѣшенія метрополіи. Притомъ, такъ какъ Испанія всегда желала подвергнуть вопросъ о будущности южной Америки обсужденію всѣхъ союзныхъ съ нею европейскихъ государствъ, то императоръ Николай не считалъ себя въ правѣ начать съ Испаніей отдѣльные переговоры.

Такимъ образомъ, основное начало европейскаго Священнаго Союза впервые было примѣнено къ возникающимъ республикамъ Новаго Свѣта.

Въ эту минуту глаза всей Европы были обращены на Россію. При всѣхъ дворахъ только и говорили о празднествахъ, предстоявшихъ въ Москвѣ по случаю коронаванія, назначеннаго въ іюнь. Между тѣмъ, шестимѣсячный трауръ по императорѣ Александрѣ еще не кончился; оставался цѣлый мѣсяцъ грустнаго и однообразнаго теченія общественной жизни, и не только частные люди, но и самъ дворъ желали освѣженія душевой офиціальной атмосферы.

Обнародованный 21-го апрѣля 1826 г. высочайшій манифестъ о совершеніи священнаго обряда коронаванія въ іюнь мѣсяцѣ произвелъ весьма благопріятное и живительное впечатлѣніе на общество. Европейскіе дворы, извѣщенные объ этомъ событіи еще прежде обнародованія манифеста, не только назначили своихъ чрезвычайныхъ пословъ, но многіе изъ этихъ представителей уже отправились въ путь со всѣмъ персоналомъ своего посольства. Представитель Франціи пріѣхалъ въ С.-Петербургъ 13-го мая. Это былъ маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій. Назначеніе его не могло не быть симпатичнымъ Россіи: оно вызывало косвеннымъ образомъ воспоминанія о капитуляціи Парижа въ 1814 году. Притомъ герцогъ Рагузскій былъ одною изъ первыхъ военныхъ знаменитостей своего времени; имя его занимало почетное мѣсто въ исторіи наполеоновскихъ войнъ. Реставрація, посылая Мармона въ С.-Петербургъ, окружила его громкими именами стариннаго французскаго дворянства, принадлежавшими большей частью въ главному штабу королевской арміи.

Императоръ исполнилъ оцѣнилъ назначеніе герцога Рагузскаго быть представителемъ, при российскомъ дворѣ, монархіи Бурбоновъ и роялистской Франціи; онъ познакомился съ маршаломъ въ Парижѣ, въ 1814 году, зналъ болѣе или менѣе прямыя услуги, оказанныя тогда Маршалу дѣлу союзныхъ государей, и помнилъ, что императоръ Александръ уважалъ храброго воина. Маршалъ былъ принятъ въ торжественной аудіенціи (въ Царскомъ Селѣ) съ самымъ дѣстнымъ отличіемъ, и его величество долго оставался съ нимъ наединѣ послѣ офиціального представленія. На другой день (20-го мая) маршалъ получилъ приглашеніе присутствовать при разводѣ Преображенскаго полка, вступавшаго въ этотъ день въ дворцовый караулъ. Старый наполеоновскій воинъ, любясь превосходною выправкою и необыкновенною точностію движеній преображенцевъ, сказалъ:

— Ваше величество! я не удивляюсь, что русскій солдатъ дѣлаетъ чудеса: онъ проникнутъ чувствомъ справедливой гордости, что имъ командуетъ самъ императоръ, и подобный подкъ, въ сраженіи, замѣнилъ бы дѣлую плохую армію.

Кончина императрицы Елисаветы Алексѣевны остановила все приготовленія къ коронаціи, и новый полугодичный трауръ присоединился къ первому, еще некрившемуся. Эта утрата произвела на императора Николая тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что послѣдовала такъ скоро послѣ смерти возлюбленнаго брата и что ей предшествовала смерть нѣсколькихъ достойныхъ дѣятелей предшествовавшаго царствованія. Не слабость духа, но нѣжность чувства брала, въ такихъ случаяхъ, верхъ надъ императоромъ Николаемъ: онъ ощущалъ томительную грусть всякій разъ, когда узнавалъ о смерти того, кого зналъ, любилъ и уважалъ. Со времени вступленія его на престолъ умерли: государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, просвѣщенный поповитель наукъ; ученый математикъ академикъ Фуссъ; оберъ-камергеръ Нарышкинъ; графъ Ростопчинъ и славный исторіографъ Карамзинъ. Смерть Карамзина глубоко опечалила государя. Сначала извѣстіе о кончивъ императора Александра, потомъ грустныя событія 14-го декабря и, наконецъ, кончина императрицы Елисаветы Алексѣевны окончательно разстроили здоровье атого истинно-просвѣщеннаго патріота и честнаго гражданина, уже ослабленнаго многолѣтними учеными трудами. 14-го декабря Карамзинъ вышелъ изъ Зимняго дворца на площадь въ одномъ мундирѣ,

безъ шубы, съ непокрытою головою и съ тѣхъ поръ уже не могъ поправиться. Всему міру извѣстно что сдѣлалъ императоръ Николай Павловичъ для услажденія послѣднихъ дней умирающаго историографа. Собственноручный рескриптъ отъ 13-го мая 1826 года останется вѣковѣчнымъ памятникомъ любви и уваженія императора къ тому, кто первый ознакомилъ народъ съ отечественною исторіей. Императоръ писалъ:

„Николай Михайловичъ! Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть навремя отечество и искать благоприятнѣйшаго для васъ климата. Считаю за удовольствіе изяснить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донинѣ. Въ то же время, и за покойнаго государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію, какъ гражданинъ, и своими трудами, какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: „Русскій народъ достоинъ знать свою исторію.“— Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа. Исполняя то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить братъ мой.

„Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одною только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни.

„Пребываю вамъ всегда благосклонный

Николай.“

Для путешествія Карамзина въ Италію снаряженъ былъ фрегатъ. Кромѣ 50,000 р., пожалованныхъ историографу на путевые расходы, императоръ повелѣлъ производить Карамзину такую же сумму ежегодно, въ видѣ пенсіи, съ тѣмъ, чтобы эта пенсія, по кончинѣ его, была сполна обращена въ пользу вдовы, а по смерти г-жи Карамзиной въ пользу дѣтей, сыновьямъ до вступленія въ службу, дочерямъ до замужства послѣдней изъ нихъ.

Утѣшенный и благодарный историографъ, умирая, сожалѣлъ, что не могъ докончить свой трудъ, говорилъ, что былъ бы счастливъ, если бы могъ довести его до славнаго воцаренія Николая I:

— Я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого воцаренія и исполнилъ бы достойно долгъ историографа имперіи, предсказавъ великое царствованіе, котораго не увижу, но которое дѣти мои будутъ имѣть счастье видѣть.

Карамзинъ сказалъ правду. Общественное мнѣніе дѣйствительно было весьма благопріятно новому царствованію. Миліоны людей, подчиненныхъ крѣпостному праву, видѣли въ преемникѣ Александра своего освободителя.

— „Они угадали мою мысль“ — сказалъ императоръ, узнавъ о надеждахъ помѣщичьихъ крестьянъ на великую соціальную реформу: — „императоръ Александръ также имѣлъ твердое намѣреніе уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи, но умеръ, не успѣвъ осуществить мечту всей своей жизни.“

Къ сожалѣнію, люди злонамѣренные, воспользовавшись перемѣною царствованія, произвели волненія между крестьянами нѣкоторыхъ мѣстностей. Это обстоятельство указывало на не исчезнушіе еще слѣды открытаго заговора, и потому императоръ Николай Павловичъ неоднократно получалъ анонимныя просьбы не подвергать свою жизнь опасности. Онъ продолжалъ однако показываться въ публицѣ безъ всякой свиты, безъ всякаго конвоя.

Между тѣмъ, и слѣдственная комисія по дѣлу 14-го декабря кончила, послѣ пятимѣсячныхъ неутомимыхъ усилій, свой обширный трудъ, веденный подъ непосредственнымъ руководствомъ его величества. Несмотря на положительное желаніе государя уменьшить, до послѣдней возможности, цифру обвиненныхъ, число ихъ простиралось до двухсотъ—пятидесяти чело-вѣкъ, болѣе или менѣе виновныхъ и раздѣленныхъ на многія категоріи. 1-го іюня результаты комисіи были обнародованы во всеобщее извѣстіе при высочайшемъ манифестѣ, и въ то же время наряженъ верховный уголовный судъ. По мѣрѣ приближенія той минуты, когда законъ долженъ былъ покарать государственныхъ преступниковъ, императоръ тревожился мыслию, что строгія обязанности главы государства воспрепятствуютъ ему простить всѣхъ виновныхъ. Объ этомъ онъ часто разговаривалъ съ императрицею Александрою Феодоровною, которая признавалась, что не понимаетъ, какъ можетъ государь наказывать, имѣя право миловать.

Подъ вліяніемъ голоса и собственнаго сердца, императоръ, въ присутствіи главныхъ членовъ верховнаго суда, выразилъ желаніе

не подписывать ни одного смертнаго приговора: но ему представили почтительно, что самое широкое милосердіе имѣть предѣлы и что примѣрное наказаніе извѣстныхъ преступленій безусловно-необходимо и неизбѣжно, хотя смертная казнь ни разу не примѣнялась въ Россіи въ теченіе слишкомъ семидесяти лѣтъ.... Князь Лопухинъ, предсѣдатель верховнаго суда, сказалъ:

— Нѣтъ сомнѣнія, что верховный уголовный судъ произнесетъ единогласно смертный приговоръ всѣмъ; но опъ заранѣе дѣлаетъ оговорку относительно пяти или шести человѣкъ недостойныхъ ни снисхожденія, ни помилованія. Итакъ ваше величество будете имѣть, для оказанія милосердія, прекрасный случай, который, смѣю надѣяться, уже не повторится во все ваше царствованіе.

Тяжело было императору Николаю Павловичу признать справедливость представленныхъ ему доводовъ, основанныхъ на требованіяхъ государственныхъ. Особенно сильно поразило его мнѣніе одного члена, поставившаго на видъ, что если государь есть представитель божественной власти на землѣ, то всякое злоумышленіе противъ его жизни и власти должно быть поставлено рядомъ съ преступленіями противъ Царя царствующихъ.

— „Чувствую все бремя необходимости быть строгимъ и непреклоннымъ; прощать гораздо легче, чѣмъ наказывать“, сказалъ императоръ съ грустію и, при окончательномъ представленіи ему приговора верховнаго уголовного суда, явилъ свое милосердіе тѣмъ, что или уменьшилъ степени наказанія, или замѣнилъ присужденное наказаніе другимъ, несравненно легчайшимъ, или, наконецъ, простилъ совершенно. Искреннее раскаяніе преступниковъ особенно радовало его и вызывало его милосердіе. Относительно пяти человѣкъ, поставленныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ внѣ всякой категоріи, государь удержался отъ посредничества.

— „Благодареніе Богу! Узнавъ всю сущность этого темнаго дѣла, я узналъ моихъ враговъ и моихъ друзей“, сказалъ императоръ одному изъ своихъ приближенныхъ.

По дѣламъ внѣшней политики твердый и рѣшительный характеръ императора имѣлъ случай обнаружиться до сихъ поръ только въ строгой и грозной нотѣ, врученной турецкому дивану нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Портѣ Оттоманской; но всѣмъ европейскимъ кабинетамъ уже было извѣстно,

что новый царь русскій не поддастся ни на какия дипломатическія увертки, не приметъ никакихъ отговорокъ, и что его ультиматумъ имѣеть позади себя армію.

Порта, борювшаяся тогда съ важными внутренними затрудненіями и потому несмѣвшая раздражать своего могущественнаго сосѣда, поспѣшила исполнить всѣ требованія Россіи, основанныя на условіяхъ бухарестскаго трактата. Мало того: въ официальномъ отвѣтѣ своемъ, врученномъ нашему повѣренному въ дѣлахъ Миячиаи наванунѣ истеченія назначеннаго срока, она торжественно заявила свое желаніе навсегда поддерживать доброе согласіе со своимъ другомъ и сосѣдомъ, разсыпалась въ воскваленіяхъ прямотѣ, благородству и благодушію императора а для скрѣпленія дружбы между обѣими имперіями согласилась возобновить переговоры, нѣкогда начатыя графомъ Строгоновымъ въ Акерманѣ, на границѣ Бессарабіи.

Отпуская своихъ уполномоченныхъ (генералъ-адъютанта графа М. С. Воронцова и тайнаго совѣтника Рибоьера), государь сказалъ имъ:

— Для меня довольно существующихъ трактатовъ, лишь бы они были хорошо понимаемы и вѣрно исполняемы; я все не думаю дѣлать шага впередъ, но и назадъ не сдѣлаю никогда ни одного шага.

Въ силу этого правила, императоръ настоялъ при шведскомъ дворѣ на точномъ и окончательномъ опредѣленіи границъ между Россіей и Норвегіей въ тѣхъ лапландскихъ округахъ, гдѣ, по отсутствію правильной пограничной черты, происходили частыя столкновенія сопредѣльныхъ жителей. Король шведскій и норвежскій, приславшій въ С.-Петербургъ, въ качествѣ полномочнаго министра, барона Пальмшерту, отказался, за себя и за своихъ преемниковъ, отъ всякихъ притязаній на тѣ округи, которые принадлежали норвежской коронѣ и отошли къ Россіи вслѣдствіе проведенія новой границы.

VIII.

Первыя извѣстія о враждебныхъ замыслахъ Персіи.—Пріѣздъ императорской фамилиі въ Москву.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.—Коронаваніе императора Николая.—Маневръ о порядкѣ престолонаслѣдія.—Милости и награды.—Маневръ о войнѣ съ Персіей.—Акерманская конвенція.—Политика Англіи по персидскимъ дѣламъ.—Энергическое заступничество императора Николая за грековъ.—Мнѣніе Европы о военныхъ силахъ Россіи.—Восныя поселенія и Араччеевѣ.

Незадолго передъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію, императоръ Николай былъ встревоженъ извѣстіями о враждеб-

номъ настроеніи Персіи и о ея приготовленіяхъ къ войнѣ съ Россіей. Со времени кончины императора Александра, персіяне, столько разъ битые русскими, вообразили, что настало время отмстить за всѣ прежнія пораженія и вновь завоевать области, уступленныя по гулистанскому трактату (24-го октября 1813). Есть поводы предполагать, что Оттоманская Порта присовѣтовала персидскому шаху сдѣлать разрывъ съ Россіей, будто бы терзаемой внутренними смутами и готовой сдѣлаться жертвою соціальной революціи; но султанъ Махмудъ, обѣщавшій шаху помощь и поврительство, самъ устранился неизбѣжности войны съ Россіей и поспѣшилъ подтвердить во всей силѣ всѣ прежніе трактаты, чтобы только не прогнѣвать могущественнаго сосѣда. Несогласія же между Персіей и Россіей возникли изъ-за вопроса о границахъ, остававшагося нерѣшеннымъ двѣнадцать лѣтъ. Въ 1826 году самыя спорныя пункты были почти улажены; но въ то же время главноначальствовавшей въ Грузіи, генераль Ермоловъ, узналъ, что муллы проповѣдывали въ Персіи священную войну противъ Россіи и что Аббасъ-мираа, наследникъ шахскаго престола, сосредоточилъ армию въ Султанію. Для окончанія вопроса о границахъ посланъ былъ къ шаху генераль-маіоръ князь Меншиковъ, который, по прибытіи въ Султанію, нашель здѣсь сорокъ тысячъ войска и убѣдился, что война съ Россіей дѣло рѣшеное.

Уѣзжая въ Москву, императоръ Николай Павловичъ еще не зналъ, объявлена ли персами война; онъ надѣялся, что это непріятное извѣстіе прійдетъ уже послѣ коронаціи.

21-го іюля вся императорская фамилія собралась въ Петровскомъ дворцѣ, и хотя день торжественнаго вѣзда въ Москву еще не былъ назначенъ, но огромныя, уже оконченныя, приготовленія на всемъ пути слѣдованія императорскаго кортежа свидѣтельствовали, что этотъ день недалекъ. Дѣйствительно, 25-го іюля послѣдовало, по церемоніалу, вступленіе въ первопрестольную столицу новаго государя Россіи.

Чтобы имѣть хотя приблизительное понятіе о томъ, какъ встрепенулась вся Россія въ ожиданіи знаменательнаго дня помазанія на царство молодаго императора, довольно упомянуть, что населеніе Москвы, состоящее обыкновенно изъ 350,000 душъ, болѣе нежели удвоилось къ этому времени пріѣздомъ гостей со всѣхъ концовъ Имперіи. На одномъ петербургскомъ трактѣ число почтовыхъ лошадей было увеличено на каждой станціи

до восьми и до девяносто. На проѣздъ только членовъ дипломатическаго корпуса понадобилось триста-семь лошадей.

Въ Кремлевскомъ дворцѣ императорская фамилія оставалась недолго. Слабое здоровье императрицы Александры Теодоровны требовало болѣе спокойнаго мѣстопробыванія и болѣе чистаго воздуха, и потому всѣ переселились за Москву-рѣку, въ почти загородный домъ графини Орловой-Чесменской, окруженный обширными садами. Но переселеніе на одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ древней столицы не помѣшало императору вести въ Москвѣ чрезвычайно дѣятельный образъ жизни, вполне согласный съ его энергическою натурою. Почти ежедневно оставался онъ по четыре и по пяти часовъ сряду верхомъ на конѣ, присутствуя на смотрехъ войскъ гвардіи и отправляясь затѣмъ въ различныя части города; вечерою слушалъ доклады министровъ и до поздней ночи работалъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Замѣчали, что государь былъ повременамъ грустенъ и задумчивъ и что онъ часто совѣщался наединѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Причина объяснилась скоро: отъ Ермолова получены были депеши о вторженіи персіянъ въ наши предѣлы.

Государя тревожило также отсутствіе цесаревича Константина, вестотря на увѣренія великаго князя Михаила, что старшій братъ ихъ непремѣнно будетъ въ Москвѣ ко дню коронаванія, назначеннаго на 22-е августа. Такъ дѣйствительно и случилось. 14-го августа, въ одиннадцать часовъ утра, когда императоръ находился въ своемъ кабинетѣ, вошелъ торопливо дежурный флигель-адъютантъ и произнесъ, запыхавшись: „великій князь!“ Государь, полагая, что пріѣхалъ Михаилъ Павловичъ, приказалъ просить его высочество подождать минуту и сталъ спѣшить доканчивать свой туалетъ; но флигель-адъютантъ не выходилъ и прибавилъ робко: *цесаревичъ!*..... При этомъ имени, императоръ радостно вскрикнулъ и бросился на встрѣчу желанному гостю, не позволившему себѣ войти прежде доклада. Константинъ Павловичъ, схвативъ руку своего царственнаго брата, почтительно поцѣловалъ ее; императоръ обнялъ цесаревича отъ полноты души и со слезами на глазахъ выразилъ предъ нимъ самыя искреннія чувства любви, благодарности и уваженія.

— „Простите меня, ваше величество, что я такъ запоздалъ“, началъ цесаревичъ.

— „Ты здѣсь, и мнѣ ничего больше не нужно!“ воскликнулъ государь

Этотъ день былъ проведенъ въ семейномъ кругу; оба брата имѣли многое сообщить другъ другу.... Императрица Марія Федоровна, обнимая цесаревича, сказала:

— Константинъ, ты пожертвовалъ собою отечеству, отказавшись отъ престола; теперь, прѣбывая на коронованіе своего брата, ты приносишь жертву своимъ роднымъ. Сестра твоя, великая княгиня Марія Павловна, истину оказала, что ты честный человекъ.

На другой день, въ праздникъ Успенія Божіей Матери, императорская фамилія прибыла въ Кремлевскій дворецъ, чтобы присутствовать при богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ. Народъ собрался въ Кремль еще до разсвѣта; утромъ на площади были выстроены войска для развода. Лишь только государь вышелъ изъ дворца, имѣя по правую руку цесаревича Константина, а по лѣвую великаго князя Михаила (всѣ три брата держали другъ друга за руки), неовисанный восторгъ охватилъ густыя толпы народа, шляпы и шапки полетѣли въ воздухъ, и имена Николая и Константина слились въ одинъ громадный гулъ.... По знаку, данному его величествомъ, войска закричали: *ура Константину!*.... Такая неожиданная встрѣча смутила цесаревича; но, скоро оправившись отъ нечаянности, онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: „да здравствуетъ императоръ Николай!“.... Это восклицаніе было подхвачено нѣсколькими тысячами свидѣтелей трогательной сцены, и молчаніе водворилось только тогда, когда государь возвысилъ голосъ, чтобы принять командованіе войсками.

Цесаревичъ являлся вождь своего державнаго брата на всѣхъ разводахъ и смотрахъ и присутствовалъ на большихъ двухстороннихъ маневрахъ, исполненныхъ 17-го и 18-го августа войсками гвардіи. Генералъ баронъ Ровень командовалъ наступающей арміей; генералъ-лейтенантъ князь Шаховскій арміей, защищавшей Москву. Императоръ и цесаревичъ, сопровождаемые многочисленныя штабомъ, слѣдили за всѣми движеніями атакующихъ и обороняющихся и не разъ отзывались съ большою похвалою о тѣхъ стратегическихъ дѣйствіяхъ, которыя принудили противную сторону къ отступленію.

22-го августа, въ день священнаго коронованія и миропомазанія императора Николая Павловича и императрицы Аде-

ксандры Феодоровны, стояла превосходнѣйшая погода; тихая, теплая. Солнце сіяло во всеиъ блескѣ. Съ семи часовъ утра, мѣста, устроенныя въ Кремль и занимавшія все пространство, которое можно было занять, не стѣсня императорскаго шествія, были наполнены пятью-шестью тысячами зрителей. Кроме того, за двойною шпалерою войскъ помѣстились двѣ-три тысячи человекъ; наконецъ, едва-ли не все население Москвы и окрестностей собралось въиъ Кремля.... Когда вѣнчанный помазанникъ вышелъ изъ Успенскаго собора въ порфирѣ, въ коронѣ, съ державою и скипетромъ, имѣя по правую руку цесаревича Константина, по лѣвую великаго князя Михаила, воздухъ застоналъ отъ взрыва оглушительныхъ криковъ.... Имъ отвѣчали тысячи тысячъ голосовъ за кремлевскими стѣнами.... Цесаревичъ, показывая на голубое небо, ярко сіявшее солнечными лучами, тихо сказалъ своему вѣнчанному брату:

— „Какой чудный день, дорогой братъ! Ни одного облачка!...“

— „Чего же мнѣ бояться!“—отвѣчалъ императоръ на глубонопочувствованный намекъ Константина Павловича:—гроза разсѣялась, и притомъ у меня былъ громоотводъ....“

Первымъ дѣйствіемъ императора послѣ коронованія было обнародованіе манифеста, опредѣлявшаго порядокъ престолонаслѣдія. Этотъ манифестъ, подписанный въ Петербургѣ еще 28-го января, былъ, въ проектѣ, одобренъ императрицею-матерью и сообщенъ великому князю Константину; но цесаревичъ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла своего государя и никогда не позволить себѣ, какъ вѣрноподанный, стѣснять въ чемъ-либо свободную волю главы Имперіи. Николай Павловича не удовлетворилъ такой отвѣтъ, и онъ ждалъ только пріѣзда своего старшаго брата, чтобы лично переговорить съ нимъ объ этомъ семейномъ актѣ. Цесаревичъ не только одобрилъ манифестъ во всѣхъ подробностяхъ, но и настоялъ на немедленномъ его обнародованіи, сказавъ:

— Зачѣмъ было откладывать такъ долго? Если бы нашъ покойный братъ объявилъ при жизни наследника, мы не оплакивали бы печальныхъ декабрьскихъ событій. Я отрекся свободно, добровольно отъ воиъ моихъ правъ; следовательно, не могло быть никакихъ сомнѣній относительно моей искренности.

— „Такъ! исполняя волю покойнаго нашего брата, я исполнилъ и твою волю.“—отвѣчалъ императоръ:—„но я поставилъ

себѣ долгомъ совѣсти не предрѣшать ни одного важнаго вопроса безъ твоего совѣта или, по крайней мѣрѣ, безъ твоего одобренія.“

Эта откровенная, честная бесѣда между двумя братьями еще болѣе упрочила ихъ взаимное довѣріе.

День своего коронованія императоръ ознаменовалъ многочисленными милостями.

— „Я бы желалъ“ — сказалъ онъ — „чтобы сегодня въ царствѣ моемъ лились только слезы радости.“ Указомъ, даннымъ правительствующему сенату, участь государственныхъ преступниковъ 14-го декабря была, по возможности, облегчена, а для нѣкоторыхъ наказаніе ослаблено на столько, что граничало съ помилованіемъ. Манифестомъ отъ того же числа (22-го августа) императоръ освободилъ всѣхъ состоявшихъ подъ судомъ, за исключеніемъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ, даровалъ полное прощеніе военнымъ дезертирамъ, сложилъ различные казенные долги и податные налоги и допустилъ обширныя льготы по уплатѣ суммъ, выданныхъ заимобразно кредитными учрежденіями какъ общинамъ, такъ и частнымъ лицамъ. Послѣднія строки этого указа проникнуты выраженіемъ живѣйшихъ желаній, наполнявшихъ душу императора Николая относительно миліонновъ подданныхъ, ввѣренныхъ ему Божиимъ Промысломъ. Онъ горячо желалъ, чтобы въ судахъ царствовала правда, въ управленіяхъ земскихъ и городскихъ водворилось безкорыстіе, въ торговлѣ преобладала свобода, чтобы промышленность и земледѣліе процвѣтали, чтобы неприкосновенность собственности была уважаема, но, паче всего, чтобы страхъ Божій и прочное, въ духѣ отечественномъ, воспитаніе юношества служило основою всѣхъ предначертанныхъ улучшеній и было признаваемо всѣми сословіями за первый долгъ.

Изъ многочисленныхъ производствъ по военному вѣдомству выступала на первый планъ награда, дарованная графамъ Остенъ-Сакену и Витгенштейну: оба заслуженные генерала были возведены въ санъ фельдмаршала. Генералъ-лейтенанты: баронъ Дибичъ, князь Шаховскій, Депрерадовичъ, Голенищевъ-Кутузовъ, князь Трубецкой, графъ Орловъ-Денисовъ, Толдь и Жюмини получили чины полнаго генерала; 50 генералъ-майоровъ произведены въ генералъ-лейтенанты; 23 подковника въ генералъ-майоры, и т. д. Пожалованіе другихъ наградъ было

въ широкихъ размѣрахъ. Бывшему своему попечителю, графу Ламедорфу, императоръ пожаловалъ свой портретъ, осыпанный брилліантами, а свою первоначальную воспитательницу, графиню Ливень, возвелъ въ княжеское, съ титуломъ свѣтлости, достоинство. Всѣ унтеръ-офицеры и рядовые, прослужившіе безпорочно въ гвардіи 20 лѣтъ, а въ арміи 22 года, были уволены въ отставку. Для увѣковѣченія въ войскахъ памяти о славныхъ подвигахъ фельдмаршаловъ Румянцева-Задунайскаго, Суворова, Кутузова и Барклая-де-Толли, имя этихъ доблестныхъ полководцевъ было присвоено полкамъ, наиболѣе отличившимся подъ ихъ предводительствомъ.

На другой день коронаванія, при большомъ парадѣ на Кремлевской площади, цесаревичъ Константинъ Павловичъ командовалъ гвардейскимъ полкомъ, котораго былъ шефомъ, и, при прохожденіи мимо императора, почтительно салютовалъ шпагою, что произвело чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Маршалъ Мармонъ, подойдя къ цесаревичу, сказалъ:

— „Monseigneur, vous êtes sublime comme la vertu antique.“ (*)

Въ ту же ночь великій князь уѣхалъ въ Варшаву.

Въ кратковременное пребываніе свое въ Москвѣ, цесаревичъ имѣлъ съ императоромъ нѣсколько продолжительныхъ совѣщаній по дѣламъ царства Польскаго. Незадолго передъ тѣмъ умеръ генералъ князь Іосифъ Зайончевъ, бывший съ 1815 года намѣстникомъ царства. Цесаревичъ полагалъ бесполезнымъ замѣщать этотъ вакантный постъ и самъ не хотѣлъ имѣть никакого титула, кромѣ званія главнокомандующаго польскими войсками—званія, достаточнаго, по его мнѣнію, для того, чтобы быть единственнымъ и истиннымъ представителемъ главы Имперіи въ странѣ, имѣвшей отдѣльное управленіе. Онъ предлагалъ, впрочемъ, замѣнить намѣстника императорскимъ генералъ-комисаромъ. Другимъ предметомъ совѣщаній былъ процессъ поляковъ, прикосновенныхъ къ заговору 14-го декабря, производившійся, въ то время, въ Варшавѣ. Несмотря на то, что этотъ процессъ раскрылъ виды и надежды поляковъ, чрезъ-мѣру облагодѣтельствованныхъ покойнымъ императоромъ, цесаревичъ не видалъ никакой опасности въ положеніи и ругался за сохраненіе порядка въ царствѣ Польскомъ, перепол-

(*) „Ваше высочество, вы возвышены, какъ античная доблесть.“

венномъ тайными обществами и заговорщиками. Онъ только просилъ государя отложить коронаваніе себя царемъ польскимъ до окончанія уголовного слѣдствія и до созванія сейма. Говорять, будто императоръ Николай Павловичъ отвѣчалъ на это своему брату:

— Не время созывать сеймъ, и я не хотѣлъ бы, коронуясь царемъ польскимъ, ослабить значеніе той верховной власти, представителемъ которой ты служишь.

Какъ бы то ни было, наилучшее соглашеніе не переставало господствовать между обоими братьями, и цесаревичъ обѣщалъ пріѣхать въ Петербургъ къ Рождеству Христову, чтобы провести этотъ праздникъ и новый годъ въ кругу императорскаго семейства, какъ то онъ всегда исполнялъ свято въ царствованіе Александра I.

Дни, слѣдовавшіе за коронаціей, были посвящены парадамъ, смотрамъ, маневрамъ, на которыхъ государь постоянно присутствовалъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ, окруженный иностранными приицами и посланниками, и разнаго рода празднествамъ, баламъ, маскарадамъ, театральнымъ представленіямъ. 3-го сентября, послѣ большаго смотра гвардіи на Ходынскомъ полѣ, московское купечество давало генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ гвардіи обѣдъ въ громадномъ зданіи экзерциръ-гауза, внутренность котораго представляла исполнскую палатку, убранную знаменами, военными трофеями, рѣдкими растеніями и цвѣтами. Два стола были назначены для унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ гвардіи. Всѣ посланники и члены дипломатическаго корпуса получили приглашеніе на этотъ военный пиръ. Императоръ, предложивъ тостъ въ честь Франціи, обратился къ маршалу Мармону и провозгласилъ: „за нашихъ союзниковъ и добрыхъ друзей!“ Вслѣдъ за тостомъ оркестръ исполнилъ арію „Vive Henri IV“.

16-го сентября, въ день обѣда, даннаго народу на Дѣвичьемъ полѣ, былъ подписанъ манифестъ о войнѣ съ Персіей, въ выраженіяхъ хотя и умѣренныхъ, но твердыхъ, запечатлѣнный благородно-гордымъ чувствомъ оскорбленнаго достоинства Имперіи. Императоръ не могъ болѣе щадить непріятеля коварнаго и вѣроломнаго, вторгнувшагося въ наши владѣнія, возбуждавшаго бунтъ между мусульманскими народами, намъ подвластными. „Россія, вынужденная противопоставить силу силѣ и войну войнѣ—сказано было въ деклараціи цѣше-

го кабинета — сочла бы своимъ долгомъ опровергнуть, предъ лицомъ Европы, тѣ обвиненія, на которыхъ Персія основала необходимость принятыхъ ею крайнихъ мѣръ, если бы Россія была извѣстна жалобы сей державы или если бы Россія могла проникнуть въ ея намѣренія. Но, не зная ни предмета, ни причинъ распри, которую теперь рѣшить оружіе, Россія, представивъ въ краткомъ очеркѣ свои отношенія къ персидскому правительству, докажетъ, могла ли она ожидать подобнаго нарушенія трактатовъ и всѣхъ основныхъ началъ международного права.“ Дѣйствительно, изъ этого очерка, написаннаго въ самомъ покойномъ тонѣ, откровенно и правдиво, Европа имѣла возможность убѣдиться, что вся вина была на сторонѣ Персіи. Императоръ Александръ, въ своихъ сношеніяхъ съ тегеранскимъ дворомъ, никогда не уклонялся отъ системы мира, дружбы и расположенія, которою онъ руководствовался относительно всѣхъ европейскихъ державъ. Императоръ Николай, слѣдуя той же системѣ, поручилъ князю Меншикову: „увѣрить шаха и наслѣднаго принца (Аббаса-мирау) въ прямотѣ видовъ его императорскаго величества; явить предъ ними силу, соединенную со справедливостію и умѣренностію; доказать имъ, что для обоихъ государствъ равно выгодно скрѣпить дружественныя связи; наконецъ убѣдить ихъ, что, по примѣру своего августѣйшаго брата, императоръ не желаетъ ничего кромѣ точнаго и непреложнаго соблюденія гюлистанскаго договора“.

Послѣднимъ, прощальнымъ праздникомъ предъ отъѣздомъ императорской фамиліи изъ Москвы былъ исполинскій фейерверкъ, сожженный передъ зданіемъ кадетскаго корпуса. Прежде всего вспыхнула разноцвѣтными огнями аллея пальмовыхъ деревьевъ—эмблема спокойствія, славы и продолжительности новаго царствованія; вензелевыя изображенія именъ императора и императрицы, освѣщенные императорскою короною, горѣли посреди солнца, окруженнаго звѣздами. Затѣмъ появилась огненная триумфальная арка, съ надписью, какъ-бы начертанною брилліантами: „*Николаю, возстановителю общаго спокойствія*“. Надъ аркою, Россія, олицетворенная въ видѣ амазонки, на колесницѣ, держа въ рукѣ лавровую вѣтвь, была предшествуема двумя Славами и сопровождается двумя древними славянскими воднами на коняхъ. По обѣимъ сторонамъ арки возвышались восемь жертвенниковъ; четыре колонны служили

символическимъ изображеніемъ гвардіи, арміи, флотовъ сѣвернаго и южнаго. Между военными трофеями, два гладиатора, сидѣвшіе на сраженныхъ ими быкахъ, махали пылающими оакелами. Вслѣдъ за снопомъ, состоявшимъ изъ *пятидесятидвухъ тысячъ* ракетъ, которыя взлетѣли въ теченіе пяти минутъ, грануль залпъ ста-одного пушечнаго выстрѣла, и въ то же мгновеніе, какъ-будто волшебствомъ, освѣтились городъ и Кремль....

1-го октября, при проѣздѣ чрезъ Тверскую губернію, императоръ получилъ два важныя извѣстія: переговоры въ Акерманѣ кончились, и турецкіе уполномоченные приняли проектъ конвенціи, предложенный нашимъ кабинетомъ; Персія была наказана за свое дерзкое вторженіе: генераль Паскевичъ разбилъ наголову армію Аббаса-мирзы подъ Елисаветполемъ. 6-го октября императорская фамилія имѣла торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ, куда черезъ три недѣли доставлены были отбитыя у персіанъ знамена. Ихъ возили по улицамъ, при звукахъ трубъ, подъ прикрытіемъ двухъ взводовъ Кавалергардскаго полка.

Вскорѣ потомъ въ „Journal de St. Pétersbourg“ напечатаны были донесенія князя Меншикова, въ которыхъ объяснились недобросовѣстныя дѣйствія шахскаго правительства относительно нашего полномочнаго посла, посягательства на его свободу и даже на жизнь. „Оскорбленіе, нанесенное Россіи въ лицѣ ея посла будетъ отищено оружіемъ“, говорила офиціальная нота, приложенная къ донесеніямъ князя Меншикова. „Тѣмъ не менѣе, Россія сожалѣетъ о столь несправедномъ нарушеніи мира персидскимъ шахомъ. Руководимая миролюбивыми видами, она съ прискорбіемъ признаетъ необходимость войны; но она не могла желать событій, болѣе способныхъ обнаружить ея всегда честныя и прямодушныя намѣренія. Князь Меншиковъ былъ достойнымъ ихъ истолкователемъ: въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ поведеніе его не переставало отличатся счастливымъ сочетаніемъ дальновидности и умѣренности. Среди опасностей, онъ явилъ благородный примѣръ самоотверженія и мужества.“

Акерманскіе уполномоченные, графъ Воронцовъ и Рибопьеръ, имѣли большую удачу въ своемъ дипломатическомъ порученіи: заключенный ими трактатъ былъ гораздо выгоднѣе букарестскаго, и потому нѣкоторые полагали, что онъ не бу-

детъ ратификованъ Портою. Султану приписывали намѣреніе затянуть дѣло, найти предлогъ къ разрыву и, подобно союзнику своему, шаху персидскому, попытаться счастья оружіемъ; но Махмудъ былъ такъ занятъ грозными внутренними дѣлами своей имперіи, вслѣдствіе предпринятыхъ имъ крутыхъ реформъ и борьбы съ греками, что ни однимъ днемъ не замедлилъ ратификаціи акерманскаго трактата.

Восьмидесятитысячная русская армія, собранная на берегахъ Прута и готовая, со дня на день, вступить въ Молдавію, хотя и не была разведена по кантонирь-квартирамъ послѣ подписанія акерманской конвенціи, однако императоръ Николай вовсе не имѣлъ въ виду какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій: петербургскій кабинетъ получилъ все, чего требовалъ отъ Порты, т. е. полнаго и совершеннаго подтвержденія всѣхъ статей и условій букарестскаго трактата. Армія наша оставлена была на занимаемыхъ ею позиціяхъ потому, что въ тогдашнихъ политическихъ кружкахъ господствовало убѣжденіе въ неминуемости скорого распаденія Турціи. И однакожь императоръ Николай не воспользовался опаснымъ въ высшей степени положеніемъ султана Махмуда: онъ не требовалъ отъ него никакихъ новыхъ уступокъ и выгодъ, хотя Турція не посмѣла бы тогда ни въ чемъ отказать своему могущественному сосѣду.... Тѣмъ не менѣе, Порта Оттоманская, подписывая акерманскую конвенцію, не думала серьезно о сохраненіи дружественныхъ сношеній съ Россіей: она выигрывала только время, хотѣла устранить предлогъ къ вступленію нашихъ войскъ въ Дунайскія княжества. Правда, Австрія оубѣтовала ей вовсе не подписывать конвенціи, предлагала даже средства протянуть переговоры; но такъ какъ вѣнскій кабинетъ не поступился ни однимъ солдатомъ, ни одною пушкою и ни однимъ гульденомъ въ пользу своего союзника, то Махмудъ не послушался совѣта князя Метерниха.

Между тѣмъ, успѣхи русскаго оружія противъ персіянъ и экспедиція, предпринятая генераломъ Паскевичемъ за Арансъ, встревожили Фетъ-Али-шаха до того, что онъ обратился съ просьбою о помощи къ Англіи. По секретному договору, заключенному въ Тегеранѣ, Англія гарантировала Персіи, въ случаѣ вторженія въ ея предѣлы нашихъ войскъ, выставить не только вспомогательный корпусъ, но и выдавать ежегодно, пока продолжается война, субсидію въ 200,000 фунтовъ стер-

лиговъ. Въ силу этого договора, англійское правительство извѣстило наше правительство о серьезныхъ замѣшательствахъ, могущихъ возникнуть въ случаѣ новаго вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы Персіи, и, въ то же время, принявъ на себя роль посредника, пригласило шаха употребить всѣ усилія къ заключенію мира на условіяхъ справедливыхъ и умѣренныхъ. Нашъ кабинетъ отвѣчалъ сенъ-джемскому прямо, что императоръ не приметъ и не потерпитъ никакого посторонняго вмѣшательства въ его несогласіяхъ съ Персіей и что онъ будетъ продолжать войну противъ вѣроломнаго врага до тѣхъ поръ и въ такомъ видѣ, какъ то признаетъ нужнымъ. Послѣ такого категорическаго отвѣта, Англія, страшась послѣдствій войны, убѣждала Персію сблизиться съ Россіей; но, въ то же время, чтобы заранѣе протестовать противъ вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы шахской территоріи, англійская политика искала себѣ поддержки въ общественномъ мнѣніи посредствомъ газетныхъ толковъ о честолюбивыхъ замыслахъ Россіи и о строгостяхъ генерала Ермолова, будто бы побудившихъ къ возстанію нашихъ мусульманскихъ подданныхъ. Къ сожалѣнію, это обвиненіе, основанное на отзывахъ враговъ Ермолова и на незнаніи истиннаго положенія дѣлъ въ кавказскихъ мусульманскихъ провинціяхъ, нашло себѣ отголосокъ и въ С-Петербургѣ. Императоръ Николай Павловичъ сказалъ однажды по поводу этихъ обвиненій:

— Ермоловъ, безспорно, исполнилъ только свою обязанность; но жаль, что, не побоявшись нажить себѣ столько непріятелей, возводящихъ на него обвиненія, онъ не приобрѣлъ друзей, которые стали бы на его сторону и побудили бы меня оправдать его. Положеніе главнаго начальника очень щекотливо и очень трудно въ краѣ, завоеванномъ и волнуемомъ неблагоприятными туземцами; но я посылаю на Кавказъ генераловъ, а не сатраповъ.

Рѣшительность и настойчивость, съ которыми императоръ довелъ до желаннаго конца акерманскіе переговоры и которыя онъ сообщалъ ходу военныхъ дѣйствій противъ персіянъ, произвели одинаковое впечатлѣніе во всѣхъ европейскихъ кабинетахъ. Теперь уже никто не сомнѣвался, что политика новаго царствованія будетъ тверда, а въ случаѣ надобности и весьма энергична. Опасались только, чтобы Россія, въ сознаніи своей силы и своего могущества, не стала прибѣгать къ оружію при

размолвкѣ со своими сосѣдями и союзниками; въ западной Европѣ думали, будто преемникъ императора Александра намѣренъ присвоить себѣ первенствующую роль въ устройствѣ международныхъ вопросовъ и не подчинять ихъ рѣшенію государствъ, подписавшихъ актъ Священнаго Союза. Императоръ Николай не замедлилъ разсвѣтать такое ложное понятіе объ исключительномъ господствѣ его политики. Онъ обратился къ сенъ-джемскому кабинету съ вопросомъ: не потеряла ли Англія изъ виду тайнаго протокола, который былъ подписанъ восемь мѣсяцевъ тому назадъ лордомъ Веллингтономъ и на основаніи котораго оба правительства, русское и британское, обязали себя посредничествомъ въ пользу Греціи, измученной, залитой кровью, опустошенной и разоренной турками. Протоколъ существовать, хотя и не былъ еще обнародованъ, и одно его существованіе произвело благопріятное дѣйствіе на событія войны грековъ за независимость: оно возродило надежды въ сердцахъ эллиновъ, показало имъ, что ихъ святое дѣло нашло наконецъ сочувствіе, если не помощь, между великими державами христіанской Европы. Сенъ-джемскій кабинетъ обращался съ представленіями и совѣтами къ Оттоманской Портѣ относительно безотраднaго положенія христіанъ Морей и Архипелага; но его совѣты не были приняты, и англійскій посланникъ, Стратфордъ-Канингъ, передалъ своему правительству категорическій и надменный отвѣтъ султана, ни за кѣмъ непризнававшего права оффиціознаго посредничества между имъ и его возмущившимися подданными.

Французское правительство, съ своей стороны, объявило, что оно готово, вмѣстѣ съ Россіей и Англіей, поддерживать принципъ посредничества въ пользу Греціи. Флоты англійскій и французскій уже вошли въ воды Архипелага; но они соблюдали строжайшій нейтралитетъ: флаги ихъ служили только какъ бы сигналомъ близкаго освобожденія геройскихъ защитниковъ Аѣинъ, въ то время, когда Ибрагимъ-паша, со своими египтянами, жегъ и заливалъ кровью Пелопонезъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, графъ Нессельроде извѣстилъ лондонское министерство о непремѣнномъ желаніи его величества прекратить истребительную войну въ Греціи. Въ объясненіяхъ своихъ, Нессельроде поставилъ на видъ, что государь императоръ утомленъ медленностію переговоровъ, тянувшихся семь или восемь мѣсяцевъ, что онъ признаетъ необходимымъ

потребовать болѣе рѣшительный языкъ въ отношеніи Порты и, сохраняя союзъ съ Англіей и Франціей, намѣренъ достигнуть въ Константинополѣ строгаго, справедливаго и окончательнаго рѣшенія греческаго вопроса.

Такъ какъ греческій вопросъ тѣсно былъ связанъ съ вопросомъ восточнымъ, то англійское правительство съ безпокойствомъ смотрѣло на предположеніе Россіи вступить въ прямыя переговоры съ Оттоманскою Портою. Императоръ поручилъ эту важную миссію тайному совѣтнику Рибопьеру, уже отличившемуся на акерманскихъ конференціяхъ прямою, правдивостію, твердостію и вмѣстѣ примирительностію. Сущность порученія, возложеннаго на Рибопьера, еще не была извѣстна, а въ Европѣ уже стали приписывать русскому правительству мысль воспользоваться внутренними замѣшательствами Турціи. Полагали, что Россія не удовольствуется присоединеніемъ Дунайскихъ княжествъ, и что оттоманское государство, въ пять лѣтъ неуспѣвшее затопить кровью греческую инсурекцію, не въ состояніи будетъ выдержать войну противъ Россіи. Ловкіе, злонамѣренные публицисты Запада пустили въ ходъ всякаго рода политическую ложь, запѣли хоромъ о мнимомъ завѣщаніи Петра Великаго; въ разгоряченномъ воображеніи своемъ они уже видѣли несмѣтные русскія сѣды, вторгнувшіяся въ Турцію; имъ уже мерещилось, что русскій царь вѣнчаетъ себя восточнымъ императоромъ въ храмѣ св. Софіи....

Всѣ эти вельпныя бредни, дававшія пишу ежедневной полемикѣ газетъ, естественно повели къ сужденіямъ о военныхъ силахъ Россіи. Публицисты стали выискивать поводъ къ опасеніямъ и недовѣрію Европы даже въ фактъ постоянной русской арміи, будто бы равной всѣмъ соединеннымъ арміямъ европейскихъ державъ; исчисляли ее въ 1,500,000 человекъ, со включеніемъ прегулярныхъ войскъ, и никто не подумалъ разсѣять химерическую тревогу простымъ соображеніемъ, что самая громадность территоріи Россіи вызвала необходимость содержать многочисленныя вооруженныя силы для огражденія ея отъ внѣшнихъ враговъ и для сохраненія внутренняго порядка. Военныя силы Россіи, въ эту эпоху, состояли: изъ двухъ главныхъ армій, численность которыхъ простиралась до 480,000 человекъ; изъ отдѣльныхъ корпусовъ финляндскаго, оренбургскаго и сибирскаго, каждый силою отъ 12,000 до 15,000; изъ

гвардейскаго корпуса, до 40,000; изъ кавказскаго корпуса, до 85,000; изъ корпуса внутренней стражи, отъ 70,000 до 80,090, и, наконецъ, изъ военныхъ поселеній, въ которыхъ европейская статистика видѣла болѣе миліона человѣкъ, но въ сущности имѣвшихъ не болѣе 67,000.

Особенно наши военныя поселенія были въ то время пугаломъ для европейскихъ государствъ. Справедливо, эта система колонизаціи была принята съ цѣлю имѣть подъ рукою всегда готовую многочисленную армію, при мнимой дешевизнѣ содержанія; но опытъ не замедлилъ показать всю нецѣлесообразность подобнаго учрежденія, и императоръ Николай Павловичъ, при своемъ практическомъ умѣ, скоро увидѣлъ всю преувеличенность надеждъ, возлагавшихся на военныя поселенія. Напрасны были усилія Аракчеева отстоять свое любимое созданіе. Онъ впалъ въ немилость. Паденіе этого надменнаго и жестокосердаго временщика было предвѣстіемъ близкаго паденія военныхъ поселеній.

Опала, постигшая Аракчеева, вслѣдъ за воцареніемъ императора Николая, вовсе не была дѣломъ его безчисленныхъ враговъ. Правосудный монархъ, строгій блюститель закона, естественно не могъ питать довѣрія къ челоуѣку, который, пользуясь своимъ могуществомъ въ предшествовавшее царствованіе, безнаказанно попиралъ законъ и обращалъ его въ орудіе своей личной мести и ненависти. Вся Россія содрогнулась отъ ужаса и преисполнилась негодованіемъ, узнавъ о жестокостяхъ Аракчеева надъ несчастными жителями села Грузина, по случаю умерщвленія пресловутой Настасьи, слышшей въ народѣ за злѣйшую колдунью. Какъ бы издѣваясь надъ основными законами Имперіи, онъ самъ облекъ себя въ санъ судьи и явился кровавымъ мстителемъ за смерть своего „вѣрнаго друга Анастасіи“ (*). Двадцать-одинъ человѣкъ изъ дворовой прислуги, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ дѣлу объ умерщвленіи Настасьи, были раздѣлены Аракчевымъ на семь разрядовъ и

(*) Для Аракчеева не было ничего священнаго: онъ похоронилъ свою любовницу въ самой церкви села Грузина и, какъ бы напоказъ, написалъ золотыми буквами на надгробной плитѣ: „Здѣсь лежитъ двадцатипятилѣтній оружі Анастася, убитая дворовыми людьми села Грузина за искреннюю ея преданность графу“. И этого прославленія Аракчеву показалось мало: тутъ же, въ святомъ храмѣ, онъ выставилъ образъ св. Алексѣя и мученицы Анастасіи съ надписью: „двухъ христіанскихъ друзей дни теологичности (такихъ-то чистей) и дни рожденія“ (такихъ-то чистей). См.: „Воспоминанія о селѣ Грузинѣ“ А. Языкова, помещенныя въ № 2-мъ „Военнаго Сборника“ за 1861 годъ.

судимы на мѣстѣ: не довольствуясь наказаніемъ ихъ вѣнцомъ, онъ подвергнулъ многихъ такимъ жесточайшимъ пыткамъ, что несчастные испустили духъ среди ужасныхъ страданій... Нѣкоторые дворовые еще не были наказаны, когда императоръ Николай Павловичъ вступилъ на престолъ. Опасаясь, чтобы эти люди не подошли подъ всемилостивѣйшій манифестъ, Аракчеевъ наказалъ ихъ наканунѣ обнародованія манифеста, наказавъ такъ, что большая часть наказанныхъ не пережили безпощаднаго истязанія. „Сибири было бы для нихъ мало!“ сказалъ кровавый мститель.

Императоръ Николай Павловичъ, получивъ запоздалое извѣстіе объ этихъ злодѣяніяхъ, былъ возмущенъ до глубины души и едва не отдалъ подъ судъ Аракчеева; только изъ уваженія къ памяти императора Александра онъ ограничился приказаніемъ подвергнуть грузинское дѣло пересмотру и запретилъ Аракчееву пріѣздить въ С.-Петербургъ до окончанія слѣдствія. Тогда Аракчеевъ, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, отпросился за границу, но все еще не терялъ надежды на прощеніе и медлил ѣхать.... Неожиданный случай ниспровергъ всѣ расчеты опальнаго временщика. Побочный сынъ его, служившій поручикомъ въ гвардейской конной артиллеріи и неуступавшій отцу ни въ гордости, ни въ грубости, тяжело оскорбилъ одного старика, котораго толкнулъ и обругалъ. Эта выходка молодого офицера произвела взрывъ всеобщаго негодованія. Императоръ тотчасъ же выключилъ его изъ гвардіи и послалъ въ отдаленный гарнизонъ. Въ приказѣ начальника главнаго штаба поступокъ сына Аракчеева былъ заклейменъ названіемъ „безнравственнаго“.

Послѣ этого случая Аракчеевъ выѣхалъ за границу въ іюнь 1826 года, но очень медленно направлялся къ предѣламъ Франціи. Говорили, будто онъ надѣялся, что императоръ воротитъ его и позволить ему присутствовать при коронованіи....

Чрезвычайно холодный пріемъ, встрѣченный имъ въ Парижѣ, гдѣ Карлъ X не удостоилъ даже дать ему аудіенцію, вѣрнѣе озадачилъ гордеца, еще недавно игравшаго первенствующую роль при лицѣ могущественнаго союзника французскаго короля. Аракчеевъ предчувствовалъ близкую грозу — и не ошибся. Словно громомъ ошеломила его присланная изъ С.-Петербурга бумага о присоединеніи штаба военныхъ поселеній къ главному штабу его императорскаго величества. Въ

то же время онъ узналъ, что указомъ отъ 30-го октября 1826 года военныя поселенія Новгородской губерніи поступили подъ начальство командира гренадерскаго корпуса, генерала-отъ-инфантеріи князя Шаховскаго, а генералъ графъ Виттъ назначенъ начальникомъ кавалерійскихъ поселеній въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской. Назначенія начальника поселеній въ губерніяхъ Харьковской и Могилевской еще не послѣдовало.

Аракчеевъ уже не могъ болѣе сомнѣваться въ своемъ окончательномъ паденіи. Тѣмъ не менѣе, онъ успѣшилъ возвратиться въ Россію, лаская себя мыслию найти какую-либо должность по вѣдомству созданныхъ имъ военныхъ поселеній; но, вмѣсто должности, нашелъ приказъ начальника главнаго штаба отъ 19-го ноября, устанавливавшій главные основанія организаціи поселенныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ. Всѣ поселенцы, главы семействъ, были, разъ навсегда, освобождены отъ военной службы и отнынѣ должны были заниматься только земледѣліемъ и промыслами; обязанности ихъ по военному посту были облегчены (вмѣсто двухъ постояльцевъ — одинъ); взрослые сыновья, состоявшіе въ учебныхъ баталіонахъ и дивизіонахъ, возвращались родителямъ и въ свободное отъ службы время имѣли право раздѣлять ихъ сельскіе труды. Что же касается унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ дѣйствующихъ баталіоновъ и эскадроновъ поселенныхъ полковъ, то двадцатипятилѣтній срокъ ихъ службы былъ уменьшенъ до двадцати лѣтъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда бы непріятель вторгнулся въ предѣлы Имперіи. Наконецъ, всѣ офицеры дѣйствующихъ и резервныхъ баталіоновъ и эскадроновъ и поселенныхъ полковъ получали, по прослуженіи извѣстнаго числа лѣтъ, полугодовое добавочное жалованье.

Цѣль этихъ постановленій клонилась очевидно къ развитію въ военныхъ поселеніяхъ земледѣльческаго и промышленнаго элемента и къ увеличенію въ нихъ числа не столько солдатъ, сколько обывателей-пахарей. Говоря иначе, военныя поселенія предназначались болѣе для хлѣбопашества, чѣмъ для преобразованія регулярной арміи, когоруую они, по первоначальному плану, должны были поглотить въ себѣ, замѣнивъ ее пятью или шестью миліонами солдатъ-земледѣльцевъ.

Аракчеевъ, провѣдавъ о неблагоприятной реакціи, совершившейся въ умѣ императора относительно военныхъ поселе-

ній, написалъ записку, которая отражала въ себѣ новыя мысли и новыя чувства государя по этому важному вопросу, и ходатайствовалъ представить свой трудъ лично. Его величество согласился допустить къ себѣ человѣка, котораго не могъ ни любить, ни уважать, и это была первая и послѣдняя аудіенція, данная новымъ монархомъ Аракчееву. Николай Павловичъ принялъ его вѣжливо, но холодно и взглянулъ на записку, имѣвшую предметомъ раскрыть коренной и органической недостатокъ военныхъ поселеній. „Противъ всякаго ожиданія“ — говорилъ основатель ихъ въ Россіи — „семь восьмыхъ поселенныхъ солдатъ падаютъ всею своею тяжестью на правительство: дѣтей мужескаго пола, рождающихся и достигающихъ зрелости въ округахъ, оказывается недостаточно для укомплектованія полка, который обязанъ выставять округъ; государство вынуждено жертвовать всѣми своими земельными доходами, и крестьяне повсюду недовольны своимъ новымъ положеніемъ. Чтобы распространить поселенность на всю армію, потребовалась бы сумма въ четыре миліяра, предполагая, что правительство могло бы расходовать столько денегъ на сію опасную мѣру....“

Императоръ былъ удивленъ внезапною переменною, происшедшею въ образѣ мыслей ревностнѣйшаго поборника военныхъ поселеній, но показалъ видъ, что повѣрилъ словамъ Аракчеева, будто записка была приготовлена для Александра I, и, не осуждая военныхъ поселеній въ принципѣ, выразилъ намѣреніе предоставить времени опредѣлить ихъ дѣйствительную годность.

Представляя свою записку, Аракчеевъ рассчитывалъ снова войти въ милость, но, убѣдившись по обороту разговора, что государь нимало не думаетъ пользоваться его услугами, позволилъ себѣ сдѣлать его величеству какъ бы косвенный упрекъ: онъ попросилъ позволенія напечатать многочисленныя дружескія письма, полученные имъ отъ Александра I. Императоръ отвѣчалъ сухо:

— Знаю, какъ и всѣ, дружбу къ вамъ моего августѣйшаго брата; мнѣ пріятно думать, что вы всегда были достойны ея, но объявляю вамъ, что письма покойнаго императора, въ чьихъ бы рукахъ они ни находились, принадлежатъ его наследникамъ и должны быть, рано или поздно, сданы въ государственныя хранилища....